

*Бехиева Асет Рамзановна,
магистранка 3 года обучения направления «Филология»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
Научный руководитель: Садулаева Марьям Хасмагомедовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
Россия, г. Грозный*

**ПРИЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В ПРОЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА**

Аннотация: В статье рассматриваются приемы художественного мастерства Н.С. Лескова, свято чтившего традиции своих предшественников, но при этом выработавшего свой собственный стиль, созвучный народной поэзии. Поэтому сказка и быль, вымысел и факты, легенда и действительность гармоничны в его произведениях, хотя в то же время создают ощущение манерности.

Ключевые слова: Лесков, повествование, художественный мир, поэтический, традиции, изобразительные средства.

*Behieva Aset Ramzanovna,
graduate student 3 years of study direction "Philology"
Chechen State University
Scientific adviser: Sadulayeva Maryam Khas-Magomedovna,
candidate of philology,
associate professor of the of Russian and foreign literature
Chechen State University*

METHODS OF POETIC IMAGERY IN PROSE N.S. LESKOV

***Annotation:** The article discusses the techniques of artistic skill N.S. Leskov, who sacredly honored the traditions of his predecessors, but at the same time developed his own style in tune with folk poetry. Therefore fairy tale and reality, fiction and facts, legend and reality are harmonious in his works, although at the same time they create a sense of mannerism.*

***Keywords:** Leskov, storytelling, art world, poetic, traditions, visual media.*

Н.С. Лесковым на протяжении всей его деятельности учитывались традиции, веками выработанные его предшественниками. Но не только их утверждение, но и отрицание. Создатель «Очарованного странника» читал и летописцев, и авторов житий, и духовных и светских писателей различных направлений. Лесков почитал так же иконографов, наследующих славные традиции отцов. Он, осуждавший раскол, в 1860-1870 годах, был отчасти согласен с ним в силу того, что раскольники оказались хранителями русского традиционного начала в искусстве. Искусство или ремесло – по Лескову – дело духовное, требующее самоотверженности, полной отдачи. «Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное искусство, постились и молились и производили одинаково, что за большие деньги, что за малые, как того честь возвышенного дела требует. А эти каждый одному пишет рефтью, а другому нефтью, на краткое время, а не в долготу дней; грунта кладут меловые, слабые, а не лебастровые, и плавь леностно сразу наводят...» [2, т. 1, с. 424].

Стремясь к соблюдению традиции, Лесков шел не от книги, не от литературной студии или течения, не от законов мастерства, а от жизни. Именно она диктовала ему смысл и направление его творчества, жанры и виды, еще не опробованные ни его предшественниками, ни его современниками. Он вырос в народе, и ему незачем было отправляться к нему за словом и за сюжетом. Он вырос, как сам говорил, на «гостомельском выгоне, спал на росистой траве в ночном, под овчинным тулупом» [4].

Когда мы говорим о мастерстве Лескова, мы должны помнить, что диктат жизненного материала у него намного сильнее, чем у других видных русских писателей. Наблюдательность его шла впереди фантазии. Он всегда нуждался в живых лицах. В произведениях Лескова натура, прототипы людей чувствуются почти физически. Этот диктат жизненного материала в основном определил стиль Лескова, направление его литературных исканий и жанра.

Писатель начинал с корреспонденций, очерков, записей, которые позволяли не думать о композиции, диктуемой повестью или романом. Свои жанры писатель обозначал так: «очерк», «рассказы кстати», «рапсодия», «маленький жанр», «пейзаж и жанр». Практика Лескова показывает, что окончательной точности и строгости в жанрах он не мог соблюсти. «Леди Макбет Мценского уезда» он называет «очерком», а «Язвительный» и «Овцебык» – «рассказами».

«Тупейный художник» имеет подзаголовок – «Рассказ на могиле». В действительности же это привычное для Лескова повествование о горестной жизни человека среди людей. Искусная запись жизненного происшествия. Нянька младшего брата рассказчика Любовь Онисимовна рассказывает о своей жизни, о жестокостях графа Каменского, о любви ее к крепостному тупейному художнику Аркадию Ильичу. О поруганном чувстве человеческого достоинства. Каждый поворот судьбы двух влюбленных друг в друга людей вызывает пронзительную жалость. Но рассказ от лица Любви Онисимовны так прост и безыскусственен, что на первое место выступает не эта жалость, а поэзия простых душ, рвущихся друг к другу и навеки разлученных. Естество и поэтичность противостоят жестокости и произволу.

Лесков на истории «тупейного художника» дает российский вариант гибели крепостного «художника», показавшего свое высокое искусство. Но «тупейный художник» имеет для нас еще дополнительно идейно-эстетическое значение. Для Лескова-художника характерно постоянное стремление придавать явлениям жизни именно то выражение, которое и внешне

и внутренне соответствует правде чувств, подлинности событий, выраженных в характерах и ситуациях.

У Лескова есть обычай нанизывать эпизод на эпизод, в ходе повествования накапливать этюды с тем, чтобы сам читатель стал в своем воображении творцом цельной картины. Этюдность Лескова при нередком отсутствии центральной картины делает его произведения эскизными, цепью фрагментов разной ценности, подчас легко заменяемых, порою и вовсе лишних. Эти фрагменты разнохарактерны.

Описание у Лескова подчас принимает явно социальный, едко сатирический характер. В самом начале «Очарованного странника» писатель выражает недоумение по поводу того, что «неудобных в Петербурге людей» [2, т. 2, с. 220] отправляют в места отдаленные. Зачем! Ведь «тут же, вблизи столицы, есть на Ладожском берегу такое превосходное место, как Корела, где любое вольномыслие и свободомыслие не могут устоять перед апатиею населения и ужасною скукою гнетущей, скупой природы» [там же, с. 221].

В ткань лирического повествования Лесков вводит – по контрасту – сарказм, гротеск, сатиру. Настя («Житие одной бабы») после злосчастий и перенесенного горя снова попадает в тихий, и добрый дом Силы Ивановича. «Тем временем приехал в нашу губернию новый губернатор. Прогнал старых взяточников с мест и определил новых. Перетасовка шла по всем ведомствам. Каждый чиновник силился обнаружить как можно более беспорядков в части, принятой от своего предшественника, и таким образом заявить губернатору свою благонамеренность, а в то же время дать и его превосходительству возможность заявить свою деятельность перед высшим начальством» [2, т.1, с. 399].

Резкая смена регистров – образных и интонационных – испытанный поэтический прием, примененный в прозе Лесковым. Он диктовался не только законами его литературной школы, но и прежде всего жизнью, которую описывал Лесков. Гипербола и литота – средства поэтические – составляют основы лесковского «Левши». Преувеличение и преуменьшение в образе подкованной блохи создают ту антиномию, которая всегда наличествует в

высокой поэзии. «Левша» в этом смысле классический пример поэтического образа. Сказка и быль, вымысел и факты, легенда и действительность наличествуют здесь в тех пропорциях, которые находим и в созданиях народной поэзии. Постепенно выработывался тот стиль, который мы имеем право назвать лесковским. Приемы его поэтической изобразительности многообразны. Писатель добивается яркости. И вместе с тем... боится показной цветистости: «...яркость цвета усмиряю» [там же, с. 406]. Глагол «усмиряю» – это наиболее точное здесь слово, наиболее уместное.

Словесная уместность и точность – тоже сильные стороны лесковского поэтического мастерства. Лесков не довольствуется частым общеупотребительным словом и укрепляет его новохарактерным. Он описывает «время с капризцем», позднюю осень: «...уже не погода, а просто халепа, так оно ей и пристало халепой быть» [там же, с. 410]. Лесков любит мелодичную, на старинный манер заведенную строку с эпитетом в конце – стих, восходящий к старым русским песням: «И даны были мне слезы, дивно обильные!..» [2, т. 2, с. 335]. Писатель пересыпает свою прозу народными речениями или своими словами, к месту зарифмованными: «Зовут меня зовуткою, а величают уткою» [2, т. 1, с. 402].

Иронии от умиления порой у Лескова не различишь. Вместо общего слова «чувствительность» писатель дает уточняющее «почувствуешь сердцеразжижение» [2, т. 2, с. 349]. Он не произнесет – «порывался», а скажет: дать «в душу рвение» [2, т.1, с. 413]. Лесков был весь опоясан и овеян легендами старины, религиозными легендами, народными поверьями, притчами, речениями, хитросплетениями слов. Это избыточное знание отягощало его стиль, делало его подчас манерным, что он и сам признавал. Но и тайнами пушкинской прозы Лесков владел мастерски. «Излишек таланта»... Это сказано по-толстовски мудро и всеобъемлюще. Во всяком случае, в этом определении и похвала, и лукавый попрек, и предостережение, и попытка дать емкую формулу.

В «Русских общественных заметках» Лесков говорит о так называемом «хорошем слоге», о том, как в обществе «состоялось странное мнение, будто бы за достоинствами слога скрывается скудность содержания, и в доказательство приводились «обточенные периоды» Карамзина и тяжелый язык Шлоссера» [5, с. 80]. Лесковская проза, равно как и толстовская, противостоит этим «обточенным периодам», и в этом ее особенность, ее непредвзятая поэтичность.

Поисковый смысл самой творческой работы того и другого художника, неудовлетворенность написанным, многочисленные переписывания текста, искание окончательного единственного для данного случая слова сближает их, как нам кажется, не только профессионально литераторски, художнически. В этом поиске и судорожном переписывании есть желание дойти до самой сути явления, до сердцевины вещей, доискаться смысла изображаемой жизни, доискаться правды характеров. Это сближение далеко не стилового характера, а более глубокого, затрагивающего самые основы существа писателя. Воспроизведение характера, ситуации, идеи были и для Лескова, и для Толстого задачами далеко не словесного, далеко не стилового порядка. И Толстой и Лесков ненавидели «обточенные периоды» в силу того, что эти периоды не способны передать мучительное движение взыскующей, тревожной, ищущей мысли. Лесков дивился мощи дарования Толстого и умению о сложнейших явлениях жизни писать всесторонне и просто. Он и сам на протяжении своей литературной деятельности ставил перед собой эту задачу.

Красота правды – вот поэзия прозы Лескова. Именно это и сближает его с Толстым при всем различии их литературных стилей. Не поняв этого, мы не поймем художественного мира Лескова. Наступает пора, когда от традиционного любования языком Лескова мы должны продвинуться к познанию его художественного мира и движущих сил его творчества.

Список использованной литературы

1. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова. – М.: Худ. лит., 1954. – 172 с.
2. Лесков Н.С. Полн. Собр. соч. в 12 т. – М.: Правда, 1989. – 5760 с.

3. Литературное наследство, т. 90. У Толстого. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого, кн. 2-я. – М.: Наука, 1979. – 543 с.
4. Салтыков-Щедрин М.Е. Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого. [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://www.litres.ru/mihail-saltykov-schedrin/povesti-ocherki-i-rasskazy-m-stebnickogo/>
5. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М.: Худ. лит., 1977. – 448 с.